

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В РАЗНЫХ СТРАТАХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Анастасия Вадимовна КАРАВАЙ,

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС;

старший научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

г. Москва. Россия,

e-mail: karavayav@yandex.ru

Цитирование: Каравай, А. В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra Economicus*, 17(3), 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145

В статье на данных восьмой волны общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2018 года проведен анализ адаптационного поведения населения современной России. Показано, что можно выделить одиннадцать адаптационных стратегий, специфика которых определяется степенью активности их сторонников, обеспеченности их различными материальными и нематериальными ресурсами, местом проживания, возрастными и профессиональными характеристиками. Продемонстрировано также, что при выборе адаптационных стратегий россияне действуют рационально, пытаются максимизировать полезность имеющихся ресурсов, а при их отсутствии увеличивают трудовые нагрузки или наращивают долговую нагрузку. В то же время их адаптационная активность ограничивается спецификой ряда локальных и глобальных социально-экономических институтов. Место в стратификационной иерархии влияет на выбор адаптационных стратегий и их эффективность в основном в двух отношениях – это возможность накапливать активы, необходимые для адаптации, и достаточность этих активов для снижения уровня рисков, характеризующих жизнь конкретного индивида. Представители верхней страты могут позволить себе выбирать наиболее комфортные для себя стратегии, а у россиян из середины, и, особенно, нижней страт их выбор практически отсутствует. Как следствие, неравномерное распределение жизненных шансов и рисков в современном российском обществе приводит к неравным возможностям в выборе успешных стратегий поддержания и наращивания материального благополучия, что влечет за собой дальнейший рост социальных неравенств. При этом неконсистентность статусного положения (относительно высокие показатели жизненных шансов и рисков одновременно) приводит к стремлению сменить институциональную среду, в российских условиях означающее формирование установки на внутреннюю миграцию или

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда №17-78-20125 «Поведенческие стратегии населения в посткризисный период: как новые повседневные реалии жизни россиян скажутся на “коридоре возможностей” развития страны?».

эмиграцию. В наибольшей степени эта установка распространена среди представителей наиболее благополучной части общества.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация, адаптационные стратегии, адаптационные ресурсы, поведенческие паттерны, жизненные шансы, социальные неравенства

BASIC MODELS OF SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION IN DIFFERENT STRATA OF RUSSIAN SOCIETY

Anastasia V. KARAVAY,

Cand. Sci. (Sociology),
Senior Research Associate,
Institute of the Social Analysis and Forecasting, RANEPa;
Senior Research Associate,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: karavayav@yandex.ru

Citation: Karavay, A. V. (2019). Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*, 17(3), 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145

The main issue of the article is an analysis of the adaptive behavior of the modern Russian population. The author deals with the data of the eighth wave of the all-Russian monitoring study by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2018. As the author states, eleven adaptation strategies can be distinguished. Their specificities depend on the degree of people's activities, their material and non-material resources capacity, place of residence, age and professional characteristics. The paper argues that, when choosing adaptation strategies, Russian people act rationally and try to maximize the utility of available resources. If a lack of resources occurs, people increase the work- or debt load. At the same time, their adaptation activity is restrained by the specifics of the local and global socio-economic institutions. The place in the stratification hierarchy influences the choice of adaptation strategy and its effectiveness in two aspects – the ability to accumulate assets necessary for adaptation, and the sufficiency of these assets to reduce the risks inherent in the life of a particular individual. Representatives of the upper strata can choose the most comfortable strategy for themselves, and the Russians from the middle, and especially the lower strata almost do not have any choice of such strategies. As a result, the uneven distribution of life chances and risks in modern Russian society leads to unequal opportunities in the selection of successful strategies affording to maintain and increase material well-being, which leads to further growth of social inequalities. At the same time, the non-consistency of the status position (relatively high rates of life chances and risks at the same time) leads to a desire to change the institutional environment, what in Russian conditions means the appearance of an idea of internal migration or emigration. This idea is the most common for the most prosperous part of society.

Keywords: socio-economic adaptation; adaptation strategies; adaptation resources; behavioral patterns; life chances; social inequalities

JEL classifications: D010, D130, D140, D150

Введение

Успешность используемых индивидами адаптационных практик влияет не только на их личное благосостояние и положение в социальной иерархии, но и во многом определяет также макроэкономическую и социально-политическую ситуацию в стране. Сложившиеся у индивидов и социальных групп поведенческие паттерны, связанные с их жизненными ценностями и использованием имеющихся у них ресурсов, значимы и для изменений «институциональной матрицы» общества. При этом возможности оптимального использования имеющегося набора ресурсов ограничиваются для индивидов как внешними факторами, связанными с особенностями сложившейся институциональной среды, так и тем, какие цели они ставят перед собой на определенном этапе жизненного пути. Именно из этих посылок мы исходили в своей статье, целью которой являлся анализ связи в непростых условиях современной России различных адаптационных практик населения с совокупностью их жизненных возможностей, отражающих особенности занимаемой ими в социальной иерархии структурной позиции, а также определение роли в этом институциональных барьеров.

Теоретико-методологическая база исследования

В научной литературе можно выделить несколько теоретических подходов, объясняющих выбор индивидами тех или иных стратегий адаптации (Allen & Henderson, 2016; Moen & Wethington, 1992). Так, структурный подход (Bengtson & Allen, 1993; Hareven, 1991; Saraceno, 1989 и др.) говорит о том, что индивиды предпочитают совершать те или иные адаптационные действия, направленные на поддержание и повышение своего социального положения, в соответствии с теми структурными ограничениями, в которых они существуют в данный момент времени. К таким ограничениям относятся и специфика институтов, в частности экономических, и во многом определяемые ими виды и глубина распространенных в обществе неравенств. При этом индивидуальные взгляды людей на стратегии развития их жизненного пути остаются в рамках структурного подхода на второстепенных ролях, т.е. априори предполагается, что индивиды просто приспосабливаются к окружающей среде.

Теория рационального выбора (Becker, 1981; Berk, 1980; Coleman, 1986 и др.), наоборот, предполагает, что индивиды стремятся наращивать свое благосостояние, максимизируя отдачи от имеющихся у них ресурсов в существующих условиях. При этом механизмы, объясняющие, как люди определяют ту «функцию полезности», которую максимизируют, остаются в ней пока дискуссионными. Кроме того, в рамках этого подхода нельзя объяснить множество нерациональных действий, которые совершаются людьми на протяжении их жизни.

Третий подход, фактически объединяющий в себе два предыдущих, сводится к различным вариациям теории жизненного пути (Elder & Caspi, 1990; Narotzky & Besnier, 2014). В его рамках речь идет о том, что на разных этапах жизни индивиды выбирают стратегии поведения, находясь в различных исторических, культурных и социальных условиях. Именно последние и определяют не только ресурсы и возможности, но и требования, нормы и ожидания людей, которые также влияют на их поведение и могут способствовать его отклонению от норм экономической рациональности. Социально-экономические или культурные сдвиги влекут за собой изменения в требованиях, нормах и ресурсообеспеченности индивидов, которые меняют свое поведение, чтобы в новых условиях удовлетворить свои новые потребности. Таким образом, этот подход подчеркивает временный характер стратегий адаптации, концентрируя внимание на моменте и разнообразии факторов их выбора, а также на длительности и последовательности их использования.

При всем разнообразии подходов к объяснению причин выбора индивидами тех или иных поведенческих паттернов можно отметить, что все они учитывают как структурные, так и индивидуальные факторы такого выбора. В работах отечественных ав-

торов (Авраамова, 2018; Козырева, 2013; Ромм, 2002: 39 и др.) в большинстве случаев признается главенство персонального выбора индивидами адаптационных стратегий для оптимизации использования имеющихся ресурсов, однако их распространенность ставится в зависимость от институциональных факторов и особенностей функционирования российской экономики. Соответственно, российские авторы в качестве индикаторов успешности используемых индивидами адаптационных практик рассматривают динамику их социально-экономического положения (с объективной или субъективной точки зрения).

В ходе работы мы ставили перед собой две взаимосвязанные и подчиненные общей цели основные задачи: 1) выявить влияние социально-экономического положения индивидов на выбор ими тех или иных адаптационных действий и роль в этом институтов; 2) выделить определенные поведенческие паттерны, характерные для представителей различных групп в социальной иерархии. При этом нам недостаточно было проанализировать группы, различающиеся только лишь уровнем доходов, поскольку экономическое неравенство не может дать полного представления о тех возможностях и рисках, которые обуславливаются положением индивида в социальном пространстве и влияют на его поведение, в том числе и при выборе жизненных стратегий. В качестве дифференцирующих группы критериев мы считали необходимым учесть их максимальный спектр, обусловленный не только монетарными, но и немонетарными неравенствами. В этой связи при определении той теоретико-методологической рамки, в которой проводилось наше исследование, мы сделали выбор в пользу широко известного, хотя и мало применяемого в России на практике подхода к анализу социальной стратификации, в котором социальные группы выделяются на основании схожести жизненных шансов и рисков у их представителей.

Концепцию жизненных шансов как базу для выделения основных элементов социальной структуры общества предложил М. Вебер (Weber, 1978 [1924]). Наиболее значимыми из этих шансов он считал те, которые связаны с положением индивидов в системе производственных отношений, престижностью их статусных позиций и потреблением ими различных благ, причем как материальных, так и нематериальных. На этом основании Вебер ввел понятия позитивной и негативной привилегированности, которые и стали использоваться впоследствии в качестве критериев формирования групп в социальной иерархии в рамках неовебирианского подхода к анализу социальной структуры в работах зарубежных (Giddens, 1973; Sen, 1992; Breen, 2005; Robeyns & Brighouse, 2010; Goldthorpe et al., 1987; Beck, 2009; Scott, 2002 и др.) и отечественных (Порова & Пешняк, 2017; Тихонова, 2018; Аникин, 2018; Мареева, 2018, Лежнина, 2019 и др.) авторов. Негативная привилегированность в рамках этой концепции означает принадлежность к низшей страте (классу в терминологии М. Вебера), а позитивная – принадлежность к верхней страте. Отсутствие же той или другой свидетельствует о принадлежности к срединной страте.

Для целей нашего исследования мы взяли модель стратификации общества по жизненным шансам и рискам, в основе которой лежат показатели соответствующего интегрального индекса, основанного, в свою очередь, на четырех субшкалах². Первая субшкала «Экономические условия жизни» отражает устойчивость экономического положения индивида и его возможности повышать свое материальное благополучие. Вторая субшкала «Ситуация на работе» связана с позицией индивида на рынке труда, а также рисками потери занятости. Сфера оценки для третьей субшкалы понятна уже из названия – «Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала» – и связана не только с образованием самих индивидов, но и с их возможностями обучать своих детей, а также поддерживать свое и их здоровье за счет качественных медицин-

² См. более подробно об этой методике, разработанной рабочей группой под руководством Н.Е. Тихоновой в составе В.А. Аникина, Ю.П. Лежниной, С.В. Мареевой, Е.Д. Слободенюк и автора данного исследования: (Anikin et al., 2017; Аникин, 2018; Тихонова, 2018).

ских услуг. Наконец, четвертая шкала «Особенности потребления и досуга» призвана помочь оценить возможности обеспечения индивидами не только своих базовых потребностей, но и комфортной жизни с разнообразным досугом. Каждая из этих субшкал рассчитывается на основе трех показателей позитивной и трех показателей негативной привилегированности. В результате значения интегрального индекса жизненных шансов и рисков варьируются от -12 до 12 баллов. Фактически построенная таким образом модель стратификации общества по основанию жизненных шансов отражает комплексную картину социальных неравенств в нем и на практике позволяет проанализировать сравнительно большой спектр явных и неявных признаков индивида, определяющих не только его положение в социальном пространстве, но и его возможности в выборе различных действий и поведенческих паттернов, формирующих его жизнь.

Согласно модели стратификации общества по жизненным шансам и рискам массовые слои населения России можно разделить на три группы, характеризующиеся разным соотношением у них жизненных шансов и рисков. Верхняя страта (с позитивной привилегированностью) является наименьшей по численности³, и в ней концентрируются наиболее благополучные россияне, в большинстве своем имеющие высшее образование, занимающие рабочие места, предполагающие высококвалифицированный труд, и проживающие преимущественно в крупных городах. Представители нижней страты⁴ (группы с негативной привилегированностью), наоборот, подвержены разного рода рискам (неустойчивое положение на рынке труда, быстрое ухудшение здоровья, а значит, снижение качества жизни, нисходящая социальная мобильность и т.п.) и характеризуются очень ограниченным кругом жизненных возможностей. Состав и специфика рисков в средней страте (серединной группе), составляющей свыше половины массовых слоев российского общества, мало чем отличается от нижней, что свидетельствует о схожести положения представителей этих страт и зависимости их места в социальной иерархии от сиюминутных жизненных обстоятельств. В то же время жизненные возможности россиян из средней страты все же шире, чем у представителей нижней страты.

Эмпирической базой анализа выступили данные восьмой волны общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенной весной 2018 года в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» и репрезентирующей население страны по региону проживания, а в рамках каждого региона – по полу, возрасту и типу поселения (N = 4000).

Адаптационная активность россиян и используемые ими стратегии

В целом в 2018 году большая часть россиян (64,0%) совершала какие-либо действия для поддержания или улучшения своего материального положения. Из оставшихся (если принять их всех за 100%) 54,3% ничего не предпринимали, так как ничего не могли сделать для изменения своего положения, а 45,7% не видели в этом необходимости. Согласно уже упоминавшимся выше исследованиям российских авторов, а также результатам проведенного нами содержательного анализа предпринимаемых индивидами действий их можно условно разделить на несколько подгрупп.

1. Действия, так или иначе связанные с активизацией трудовых усилий. Сюда относятся не только переработки и совместительство, но и разовые временные подработки, а также переквалификация (как попытка усилить свои позиции на рынке труда), хотя эффективность у этих действий различна.

2. Действия, подразумевающие использование имеющихся активов⁵: продажа или предоставление в аренду собственного имущества, трата сбережений и пр. В эту

³ В 2017 г. на нее приходилось около 15% населения (Тихонова, 2018).

⁴ Около 30% населения в 2017 г., см. там же.

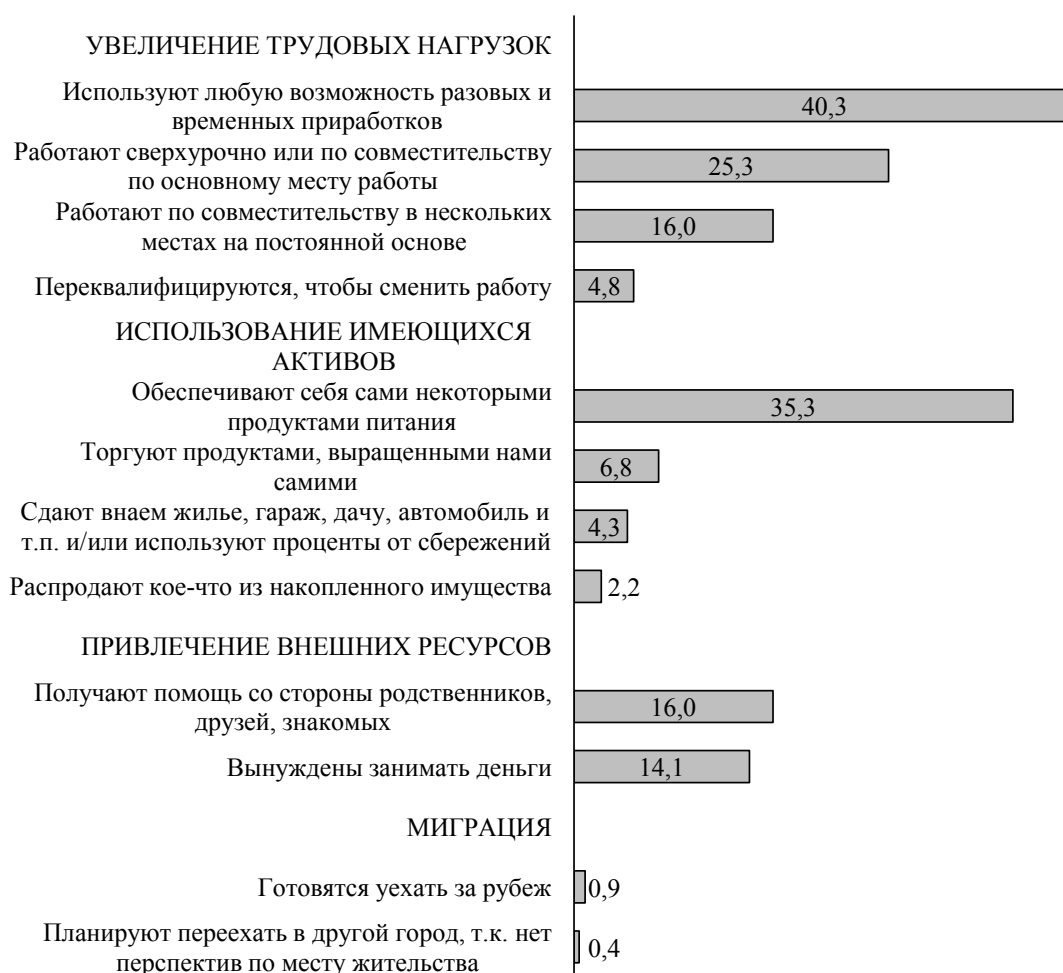
⁵ Под этим термином в данной статье мы будем подразумевать накопленное индивидом имущество, использование (включая сдачу в аренду, продажу и пр.) которого позволяет получать дополнительный доход (в денежной или натуральной форме) для поддержания или улучшения своего материального положения.

же подгруппу мы отнесли действия, связанные с получением натуральных или денежных доходов от личного приусадебного хозяйства.

3. Действия по привлечению внешних ресурсов, т.е. все, что связано с увеличением долговой нагрузки и помощью других людей (использование ресурса социальных сетей).

4. Действия, ориентированные на внутреннюю миграцию или эмиграцию.

Распространенность этих действий в современной России представлена на рис. 1.

Рис. 1. Распространенность различных адаптационных действий среди россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % от тех, кто что-либо предпринимал

Таким образом, наиболее распространенными среди россиян являются адаптационные действия, связанные с трудовой деятельностью, в том числе и в личном приусадебном хозяйстве. Естественно, что распространенность тех или иных действий должна зависеть от целого ряда факторов, в том числе и от наличия возможностей, которые можно использовать для повышения своего благополучия. Как показано в табл. 1, лица, имеющие работу, чаще остальных наращивают трудовые нагрузки для повышения своих доходов. Наличие земельных участков, включая дачные, позволяет их владельцам выращивать и продавать урожай и тем самым снижать расходы на продукты питания. Активы в виде дополнительной недвижимости или сбережений могут обеспечивать рентный доход и т.д. Отсутствие же всяких материальных активов и работы ведет к тому, что индивидам чаще приходится прибегать к внешней помощи и наращиванию долговой нагрузки. Другими словами, *россияне используют сейчас*

все возможности, которые предоставляет им внешняя среда, и имеющиеся у них ресурсы, чтобы поддерживать или улучшать свое материальное положение. При этом они стараются, прежде всего, увеличивать свою трудовую активность и, лишь когда никаких других возможностей у них нет, начинают сравнительно широко использовать стороннюю помощь для этих целей.

Таблица 1

**Адаптационные действия россиян с разной ресурсной обеспеченностью,
ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % от что-либо предпринимавших
в течение предыдущего года⁶**

Адаптационные действия	Активы			Высокое качество ОЧК ⁷	Есть РСС ⁸
	Земля	Недвижимость	Сбережения		
Используют любую возможность разовых и временных приработков	37,3	40,0	37,1	40,3	43,5
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	55,4	41,2	37,2	31,0	33,5
Работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	22,1	30,8	27,5	33,0	27,3
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	15,1	18,2	14,7	21,3	16,4
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	11,9	13,4	14,9	15,3	17,6
Вынуждены занимать деньги	11,8	11,7	6,5	10,5	13,6
Торгуют продуктами, выращенными самими	10,9	8,4	5,8	2,0	5,8
Переквалифицируются, чтобы сменить работу	3,9	5,6	3,6	4,0	4,9
Сдают внаем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений	5,5	15,1	7,4	7,4	5,5
Распродают кое-что из накопленного имущества	1,4	2,9	2,1	3,4	2,1
Готовятся уехать за рубеж	0,9	1,5	1,4	2,3	0,9
Другое (планируют переехать в другой город, так как по месту их нынешнего жительства нет никаких перспектив)	0,3	0,6	1,3	1,4	0,3

⁶ Фоном выделены максимальные значения по строке.

⁷ Высокое качество общего человеческого капитала (ОЧК) определялось по методике, предложенной в статье (Тихонова & Каравай, 2017). Для целей данного исследования, с учетом особенностей инструментария, индекс ОЧК рассчитывался по показателям количества лет обучения, навыков работы с компьютером и применения его в профессиональной сфере, навыков знания иностранных языков и применения их на рабочем месте, а также непрерывности наращивания профессиональных знаний у индивида. Полученный индекс ОЧК имел значения от 0 до 15 баллов. Медианное значение для всей выборки составляло 5 баллов. Высокое качество ОЧК мы определили диапазоне от 10 баллов и выше, среднее от 5 до 9 баллов, и низкое – 4 и менее баллов.

⁸ Часто ресурс социальных сетей (социальных связей) (РСС) называют социальным капиталом (ресурсом). Это понятие ввел П. Бурдьё, чтобы объяснить случаи неравенства в доходах при практически равной обеспеченности другими ресурсами (экономическими или культурными), и в его понимании социальный ресурс – «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» (Бурдьё, 2002: 66). В контексте данного исследования наличие ресурса социальных сетей означало, что индивид имеет возможность обратиться к ближайшему окружению хотя бы за минимальной помощью в виде небольших займов или случайных приработков, см. подробнее (Каравай, 2016).

Неравномерное распределение ресурсов и доступа к разным институциональным возможностям (занятость во всех ее формах, перекавалификация и т.д.) среди населения приводит к значительному разнообразию стратегий, которые можно наблюдать в обществе. Для выявления групп, характеризующихся специфическими адаптационными стратегиями, а не просто отдельными видами активности, мы воспользовались алгоритмом двухэтапного кластерного анализа, входящего в пакет программ IBM SPSS. Это позволило нам выделить девять кластеров, характеризующихся разными наборами адаптационных действий, формирующих различные адаптационные стратегии (табл. 2).

Таблица 2

Адаптационные стратегии россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % от что-либо предпринимавших в течение предыдущего года⁹

Адаптационные действия	Адаптационные стратегии								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Используют любую возможность разовых и временных приработков	25,2	23,4	100,0	54,9	31,4	22,9	34,5	33,3	0,0
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	24,8	21,7	0,0	41,5	100,0	63,5	18,1	20,1	0,0
Работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	11,2	0,0	18,1	100,0
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	9,8	100,0	0,0	17,0	0,0	11,2	18,1	9,6	0,0
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	100,0	0,0	0,0	20,9	0,0	10,0	23,3	9,2	0,0
Вынуждены занимать деньги	0,0	0,0	0,0	25,7	0,0	8,2	100,0	11,2	0,0
Торгуют продуктами, выращенными самими	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,9	0,4	0,0
Перекавалифицируются, чтобы сменить работу	0,0	0,0	0,0	2,1	0,0	4,7	0,0	43,0	0,0
Сдают внаем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений	0,0	0,0	0,0	1,2	0,0	1,2	0,0	41,8	0,0
Распродают кое-что из накопленного имущества	0,0	0,0	0,0	2,7	0,0	3,5	6,9	10,4	0,0
Готовятся уехать за рубеж	0,0	0,4	0,0	1,8	0,0	0,0	0,9	5,2	0,0
Другое (планируют переехать в другой город, так как по месту их нынешнего жительства нет никаких перспектив)	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	4,0	0,0
Справочно:									
Доля кластера в массиве	6,2	6,1	9,6	8,4	11,2	4,3	5,8	6,2	6,2

⁹ Фоном выделены максимальные значения по каждой строке, а также значения, характеризующие свыше половины представителей соответствующего кластера.

Сторонники первой адаптационной стратегии – условно назовем ее «**помощь близким**» – чаще всего проживают в провинциальных городах (только 7,7% из них живут в мегаполисах, 26,8% – в центрах субъектов Федерации, 38,2% – в районных центрах) и зачастую имеют высшее образование (41,3%). При этом в данной группе, составляющей 6,2% массовых слоев населения, наблюдается наибольший, по сравнению с остальными, процент неработающих – 42,3% (при 27,5% среди населения в целом в 2018 г.). Из них свыше половины (58,0%) – это неработающие пенсионеры и свыше четверти (28,8%) – неработающие студенты вузов. С точки зрения их места в стратификационной иерархии это в массе своей (56,1%) представители средней страты, хотя 15,6% их относятся и к верхней страте. Как следствие, при сравнительно небольшой доле занятых в этой группе ее представители характеризуются средней обеспеченностью активами (у 29,3% есть земля/дача/огород, у 13,4% – второе жилье, у 34,6% – хотя бы небольшие сбережения; ничего из этого нет у 43,1%). Самое главное их отличие – наличие ресурса социальных сетей (61,8% в данной группе могут обратиться к окружению хотя бы за минимальной помощью в виде небольших займов при 49,3% по населению в целом). Таким образом, на внешнюю помощь в силу особенности их положения (возраст, здоровье, учеба и т.д.) обычно ориентируются неработающие представители довольно благополучных слоев населения, в большинстве своем обладающие ресурсом социальных сетей, хотя и с относительно невысоким потенциалом (лишь 6,9% в данной группе могут обратиться к окружению за крупными (от 100 тыс. руб.) займами при 8,2% по населению в целом).

Вторая стратегия основана на множественной занятости (в 2018 г. ее придерживались 6,1% населения). В 2018 г. 15,6% сторонников второй стратегии проживали в мегаполисах с их широким рынком труда и еще 29,9% – в центрах федеральных субъектов. Практически все они были трудоустроены (91,8% при 72,5% среди населения в целом), и многие занимали хорошие должности (среди работающих 12,5% составляли руководители разного уровня, 26,3% – специалисты, при, соответственно, 11,1% и 24,5% среди работающего населения в целом). Таким образом, вторая стратегия (условно назовем ее «**множественная занятость**») характерна для работающих жителей крупных городов трудоспособного возраста (в 2018 г. в этой группе было лишь 6,6% лиц старше 60 лет при 17,8% по населению в целом), относительно часто имеющих высшее образование (45,9%), хотя в большинстве случаев (61,2%) их рабочие места такой уровень образования все же не предполагает. С точки зрения места ее сторонников в стратификационной иерархии данная стратегия нехарактерна для небогатых слоев – лишь 25,8% ее представителей относились к низшей страте.

Третья стратегия основана на поиске любых разовых возможностей заработать (в 2018 г. ее придерживались 9,6% населения). Подавляющее большинство ее сторонников имели работу (80,8% при 72,5% по населению в целом) и даже чаще, чем сторонники второй стратегии, искали приработки на сравнительно широком рынке труда по месту своего жительства, поскольку 16,1% их проживали в мегаполисах, а 36,1% – в федеральных центрах. Однако именно в этом кластере наблюдалась самая большая доля молодежи до 30 лет – 29,1%, и чаще, чем в остальных, встречались представители рабочих профессий (36,9% против 25,5% по массиву в целом). Таким образом, третью стратегию (для удобства далее будем называть ее «**любые приработки**») характеризует ориентация на рынок труда (обычно довольно широкий), но при относительно слабых на нем позициях. Тем не менее сторонники данной стратегии оказываются в нижней страте сравнительно редко (27,8%).

Сторонники четвертой стратегии (8,4% населения) отличаются наибольшей активностью по сравнению с остальными – среднее значение количества предпринимаемых действий в данной группе составляло в 2018 г. 2,68, в то время как среди всех что-либо предпринимавших россиян – 1,66. В первую очередь данная стратегия основывается на увеличении трудовых нагрузок на основном месте работы, и в этой группе были трудоустроены практически все ее представители (94,3%). При этом 39,9% из них получали компенсации от работодателя за переработки (среди всех работающих данный показатель составлял всего 34,1%, а среди занятых, совершавших какие-либо адап-

тационные действия, – 26,1%). Кроме того, многие сторонники четвертой стратегии имеют какие-либо активы: у 44,5% были в 2018 г. дачи, огороды или земельные участки, у 27,2% – второе жилье, у 29,3% – хотя бы небольшие сбережения. Что касается социально-демографических характеристик сторонников этой стратегии, то какой-либо значимой специфики в структуре этой группы по сравнению с остальными мы не выявили. Таким образом, четвертая стратегия (стратегия «**максимальной активности**») выбирается обычно активными городскими жителями, занимающими сравнительно прочные позиции на рынке труда и имеющими в результате этого некоторый запас активов, также используемых для улучшения своего материального положения. Однако доля представителей нижней страты в этом кластере сравнительно велика (31,9%), и в целом она характеризуется повышенными показателями рисков и деприваций, что связано, видимо, с какими-то индивидуальными жизненными обстоятельствами.

Пятая стратегия – «**выращивание продуктов для себя**» (11,2% населения в целом, 19,8% сельского населения) – связана с личным приусадебным хозяйством, поскольку 40,8% ее сторонников проживали весной 2018 г. в сельской местности (при 23,1% по населению в целом). Другой характерной для сельских жителей адаптационной стратегией является шестая стратегия – «**выращивание продуктов на продажу**» (4,3% населения, 10,1% сельского населения), основанная на продаже урожая из личного хозяйства и множественной занятости. Значимых различий между сторонниками пятой и шестой стратегий ни в возрасте (медианный возраст составлял 48 и 46 лет, соответственно), ни в уровне занятости (имели работу 65,0% и 65,9%, соответственно), ни в обеспеченности активами (не имели ни активов, ни работы только 6,9% и 8,2%, соответственно) мы не обнаружили. Сравнительно заметно отличаются их приверженцы друг от друга уровнем образования – свыше половины сторонников шестой стратегии имеют среднее специальное образование (52,4% при 44,3% среди представителей пятой стратегии и 42,5% среди населения в целом), и, как следствие, занимаемыми профессиональными позициями. Так, почти треть работающих сторонников пятой стратегии занимают позиции руководителей и специалистов (31,5% при 15,2% среди работающих сторонников шестой стратегии), в то время как представители шестой стратегии заметно чаще занимают позиции рядовых работников торговли и бытового обслуживания (60,8% при 48,9% среди работающих сторонников пятой стратегии). Это означает, что «сельская интеллигенция», имея более устойчивое положение на локальных рынках труда, использует личное приусадебное хозяйство только для собственных нужд. Те же, у кого занятость неустойчива, вынуждены ориентироваться в большей степени на продажу продуктов со своего огорода.

Седьмая стратегия (5,8% населения) ориентирована, прежде всего, на наращивание долговой нагрузки. Треть (34,9%) сторонников этой стратегии проживают в сельской местности и лишь 4,3% – в мегаполисах, свыше половины (55,6%) не имеют никаких активов, и большинство (75,8%) младше 50 лет. Помимо этого, представители этой стратегии характеризуются одним из самых высоких уровней иждивенческой нагрузки – по нашим расчетам, весной 2018 г. в среднем на одного работающего ее представителя приходилось более двух иждивенцев (для всего массива этот показатель составлял 1,79). В то же время эта характеризующаяся высоким уровнем рисков часть населения в глазах остальных россиян не имеет права на поддержку «со стороны» в силу своей трудоспособности. Так, 73,3% представителей данной группы весной 2018 г. были трудоустроены. Однако большинство из них (73,6%) были заняты на профессиональных позициях, не требующих высшего образования. Не самое благоприятное положение на локальных рынках труда, а также большое число иждивенцев и отсутствие других адаптационных возможностей привели к тому, что у подавляющего большинства (78,4%) сторонников седьмой стратегии была высокая долговая нагрузка – в основном банковские кредиты (у 80,8% имеющих долги) и накопившиеся мелкие долги (56,6% имеющих долги)¹⁰. Стратегия «**увеличения долговой нагрузки**»

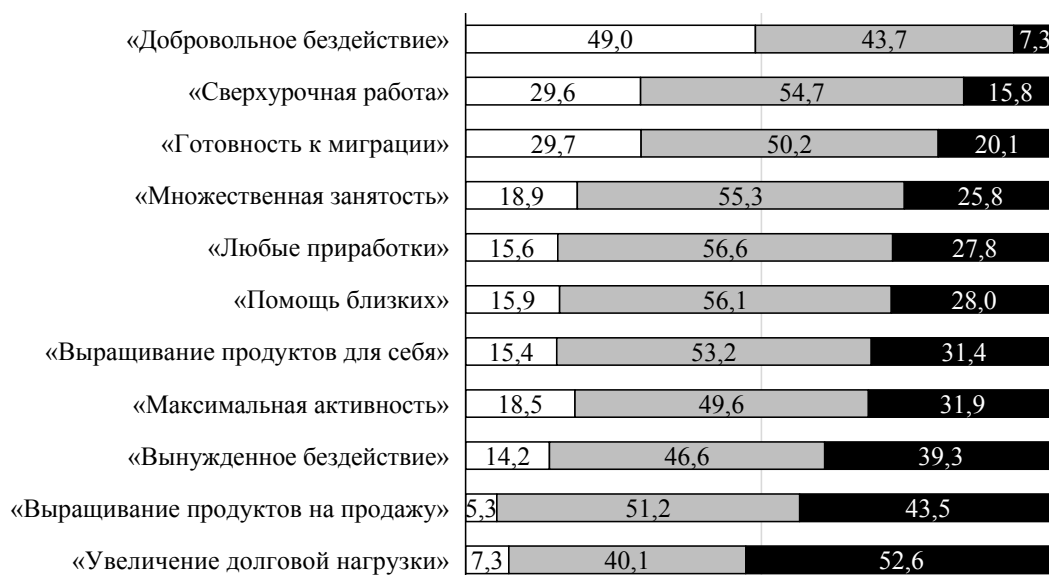
¹⁰ Сумма долей превышает 100%, так как индивиды одновременно с банковскими кредитами могли иметь и другие виды долговой нагрузки (займы от физических лиц, задолженность по оплате ЖКХ и пр.).

характерна чаще всего для представителей нижней страты, которых среди ее сторонников большинство (52,6%). Есть в этом кластере и сравнительно много представителей средней страты, которые обладают сравнительно *большими* возможностями (например, у 45,2% из них есть активы, которые можно направить на улучшение своего положения), однако, очевидно, их недостаточно для реализации более успешных стратегий, в том числе из-за повышенной иждивенческой нагрузки, характерной для сторонников седьмой стратегии.

Восьмая стратегия адаптации (6,2% населения) основана на использовании имеющихся активов и чаще остальных нацелена на внутреннюю миграцию или эмиграцию. В 2018 г. три четверти (75,1%) сторонников этой стратегии проживали в городах, в том числе практически каждый шестой (17,3%) – в мегаполисах, половина (49,5%) имели высшее образование, 78,3% были младше 50 лет (медианный возраст – 38 лет), и к тому же 71,1% обладали активами для адаптации. Именно среди сторонников данной стратегии концентрируются те, кто готовится к переезду за границу или внутри страны, что позволило назвать эту стратегию **«готовность к миграции»**. Также здесь сравнительно много (43,0% при 4,8% среди всех, что-либо предпринимавших для улучшения своего материального положения) тех, кто готов сменить профессию. Очевидно, что восьмая стратегия характерна для наиболее мобильной во всех отношениях части населения. Почти треть (29,7%) ее приверженцев относится к верхней страте, и лишь каждый пятый (20,1%) – к нижней.

Девятая стратегия (6,2% населения) основана на увеличении нагрузок на основном месте работы, что позволяет условно назвать эту стратегию **«сверхурочная работа»**. Естественно, что практически все сторонники этой стратегии имели в 2018 г. работу, из них 44,5% получали от работодателя компенсацию за переработки. Специфические характеристики этой группы россиян в том, что, во-первых, каждый пятый (21,5%) из них проживал в мегаполисах (при 10,9% по населению в целом), а, во-вторых, почти половина (48,6%) их не владела никакими дополнительными активами для адаптации (при 39,8% по населению в целом). При этом, что парадоксально, особенно учитывая схожесть их возрастных и профессиональных характеристик, среди сторонников «сверхурочной работы» почти в полтора раза больше представителей верхней страты и в два раза меньше представителей нижней страты, чем среди тех, кто придерживается стратегии «максимальной активности» (рис. 2).

□ Позитивная привилегированность □ Серединная группа ■ Негативная привилегированность

Рис. 2. Доли представителей разных страт среди сторонников различных стратегий адаптации, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %¹¹

¹¹ Стратегии упорядочены по убыванию доли представителей нижней страты среди их сторонников.

До сих пор, анализируя адаптационные стратегии, мы рассматривали лишь ту часть населения, которая предпринимает какие-либо действия для поддержания или улучшения своего материального положения. Теперь рассмотрим тех, кто предпочитает ничего для этого не делать. Их мы разобьем на сторонников еще двух адаптационных стратегий: тех, кто не видит необходимости что-либо предпринимать (стратегия «**добровольного бездействия**», 16,5% населения), и тех, кто не имеет для этого возможностей (стратегия «**вынужденного бездействия**», 19,6% населения).

Согласно нашим данным, в 2018 г. свыше половины (54,2%) тех, кто считал, что не имеет возможностей для улучшения своего положения, действительно не имели нужных для этого активов. Среди неработающих представителей этой группы населения (41,1% в ней не работали) преобладали пенсионеры, составлявшие 77,6% ее состава, а среди работающих, наоборот, четверть (22,1%) были младше 30 лет, и еще треть (36,6%) относилась к возрастной когорте 31–40-летних. При этом две трети работающих (68,4%) занимали рабочие места, не требующие высшего образования. Невзирая на проживание преимущественно в городах (только 17,3% в ней проживали в селах), представители стратегии «вынужденного бездействия» гораздо чаще, чем россияне в целом, относились к нижней страте (рис. 2).

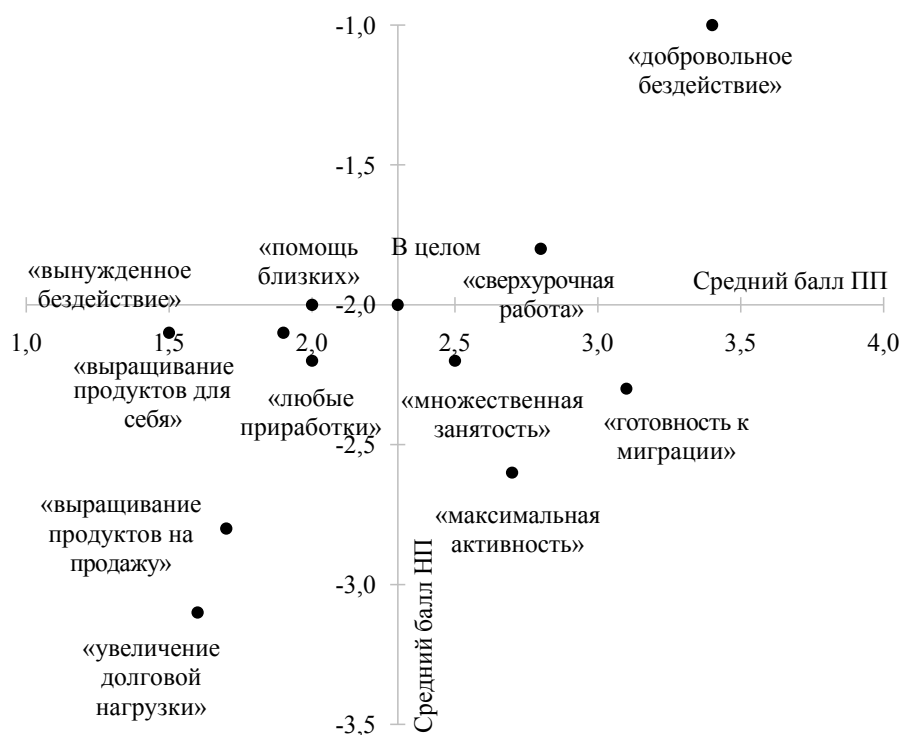
Совершенно особая специфика была у представителей той группы населения, которая не видела необходимости в совершении каких-либо действий для улучшения своего материального положения. Так, половина ее (51,4%) была не старше 40 лет, в том числе 28,8% составляла молодежь 18–30 лет, и только 14,9% ее представителей проживали в сельской местности. Кроме того, свыше половины (55,4%) работающих ее представителей являлись руководителями и квалифицированными специалистами. Однако самые главные отличия сторонников «добровольного бездействия» в том, что безусловное большинство (71,8%) их обладали какими-либо активами для адаптации, и практически половина их относилась к верхней страте.

Итак, согласно нашим данным, в российском обществе в 2018 г. четко выделялись 11 адаптационных стратегий, на выбор которых влияли возраст, тип поселения по месту проживания, наличие занятости, наличие и характер располагаемых ресурсов. Поведение россиян в процессе выбора той или иной стратегии адаптации является рациональным, поскольку они стараются максимально использовать те возможности, которые предоставляют им их ресурсы и окружающая институциональная среда – от специфики локальных рынков труда и места в социальных сетях до размеров дополнительных доходов от материальных активов и возможностей наращивания долговой нагрузки. При этом довольно широко распространена среди россиян, особенно в нижней страте, и пассивная стратегия адаптации, предполагающая не максимизацию своего дохода, а сокращение своих потребностей. Это является отражением тех крайне ограниченных возможностей, которые предоставляют им повседневные реалии их жизни.

В целом же для представителей верхней страты в составе массовых слоев населения характерна прежде всего стратегия «добровольного бездействия» (36,6%), а из активных стратегий – «готовность к миграции» и «сверхурочная работа» по месту основной занятости. В срединной страте «добровольное бездействие» встречается уже реже, чем «вынужденное бездействие» (14,5% против 18,4%), что говорит о близости классовых позиций ее представителей с представителями нижней страты. Среди других характерных для срединной страты стратегий – ориентация на помощь близких у неработающих их представителей и систематическая или эпизодическая занятость не по месту работы – у работающих. Что же касается нижней страты, то в ней заметно чаще, чем в остальных группах, распространены стратегии «вынужденного бездействия» (27,3%), «увеличения долговой нагрузки» (10,8%) и «выращивания продуктов на продажу» (6,6%).

Если же соотносить выбираемые стратегии с местом индивидов на условной «карте» жизненных возможностей и рисков, то, как показано на рис. 3, два этих феноме-

на в значительной степени связаны. Отсутствие серьезных рисков и высокий уровень позитивной привилегированности позволяют сторонникам стратегии «добровольного бездействия» не переживать о том, что их положение может ухудшиться. Сразу становится заметным и отличие положения сторонников стратегии «сверхурочной работы» от, казалось бы, похожих на них по возрастным и профессиональным признакам представителей стратегии «максимальной активности» – у первых гораздо меньший уровень депривации, чем у вторых. Как следствие, первая стратегия шире распространена в верхней страте, чем вторая. Разница в уровне позитивной привилегированности при сопоставимом в среднем уровне рисков приводит к тому, что стратегию «готовности к миграции», в отличие от стратегии «множественной занятости», заметно чаще выбирают представители верхней страты. Наконец, наиболее высокий уровень депривации при практически полном отсутствии жизненных возможностей объясняет распространенность стратегий «наращивания долговой нагрузки», «вынужденного бездействия» и «выращивания продуктов на продажу» в нижней страте. Таким образом, мы можем констатировать, что соотношение жизненных шансов и рисков, характеризующее положение индивида в социальном пространстве, в значительной степени определяет его адаптационное поведение, которое, в свою очередь, влияет на динамику его социально-экономического положения.

Рис. 3. Место разных адаптационных стратегий на социальном поле позитивной (ПП) и негативной (НП) привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., баллы

Рисунок 3 позволяет лучше понять и то, насколько неравномерно распределены риски и шансы в нашем обществе. Так, представители уже упоминавшихся двух стратегий, основанных на увеличении трудовых нагрузок по основному месту работы (стратегии «максимальной активности» и «сверхурочной работы»), в целом схожи между собой по показателям позитивной привилегированности, но из-за разницы в состоянии локальных рынков труда по месту проживания одним для поддержания своего материального положения достаточно только сверхурочной работы по месту основной занятости, а другим даже множественная занятость в разных местах не позволяет подняться до средних по массиву показателей благополучия. Влияет место

на социальных полях жизненных шансов, с одной стороны, и рисков и деприваций, с другой, и на доступность других стратегий адаптации. Так, при одних и тех же показателях располагаемых жизненных шансов неглубокая депривированность ведет скорее к выбору стратегии «вынужденного бездействия», а глубокая – к «увеличению долговой нагрузки». «Готовность к миграции» характерна для представителей довольно благополучной по показателям позитивной привилегированности группы, однако имеющей при этом также высокие показатели испытываемых рисков. То есть спецификой сторонников этой стратегии выступает неконсистентность статусных позиций, подталкивающая их к попыткам изменить положение за счет выхода за рамки той институциональной среды, в которой они находятся в данный момент, и перехода в другую институциональную среду, что в российских условиях ассоциируется у населения с переездом в другое место жительства.

Выводы

Проведенное исследование свидетельствует, что место индивидов в социальном пространстве влияет на выбор ими действий, направленных на поддержание/достижение определенного уровня благополучия. При этом весь набор наиболее распространенных адаптационных действий можно разделить на одиннадцать основных стратегий, различающихся по степени активности их сторонников, обеспеченности их активами, используемыми для адаптации, состоянию рынка труда в поселениях по месту проживания, профессиональным позициям и возрасту.

Столь широкий спектр различных стратегий свидетельствует, что для исследования социально-экономической адаптации в нашем обществе в большей степени применим теоретический подход, основанный на теории жизненного пути. Наш анализ показал, что россияне действуют рационально, так как пытаются максимизировать полезность имеющихся у них активов, а при отсутствии таковых наращивают трудовые нагрузки, причем даже в том случае, если не имеют постоянного места работы (разовые приработки, труд в личном приусадебном хозяйстве и т.п.). Однако при этом индивидам приходится ориентироваться на окружающий их социально-экономический контекст. Например, в городских условиях (особенно в мегаполисах) в силу других институциональных условий, и прежде всего широты рынка труда, выбор адаптационных действий шире, чем в сельской местности, и, как следствие, больше стратегий, которые препятствуют ухудшению положения их сторонников. Другими словами, специфика функционирования различных локальных и глобальных институтов (экономических, социальных и т.п.) в той или иной степени ограничивает для жителей сельской местности выбор действий, которые они могли бы использовать для повышения собственного благополучия.

С этой точки зрения неравенство в жизненных шансах и рисках влияет на выбор адаптационных стратегий в нескольких аспектах. Во-первых, место в стратификационной иерархии определяет возможности индивида накапливать активы, необходимые для адаптации, которые с определенного момента «работают сами», не требуя от него каких-то дополнительных усилий. Поэтому многие исследователи фиксируют отмеченное и нами снижение адаптационной активности благополучного населения. Во-вторых, высокий уровень рисков приводит к выбору малоэффективных стратегий адаптации, и, как следствие, при самом лучшем раскладе приверженцам соответствующих стратегий удастся лишь «удержаться на плаву», однако ни о каком наращивании активов и расширении жизненных возможностей для них речь не идет. Это хорошо видно на специфике места на поле позитивной и негативной привилегированности сторонников таких стратегий, как «максимальная активность» и «выращивание продуктов на продажу». Обе эти стратегии предполагают достаточно большие затраты сил и энергии, но не позволяют снизить масштаб рисков и депривации хотя бы до среднего. В-третьих, понятнее становится при анализе стратегий адаптации через при-

зму специфики структурных позиций человека с учетом целостности его жизненных шансов и рисков и то, что стратегия «увеличения долговой нагрузки» – это стратегия тех россиян, которые находятся в зоне наиболее высоких рисков и наиболее глубокой депривации при практически полном отсутствии каких-либо жизненных шансов, позволяющих улучшить или хотя бы сохранить уровень своего материального благосостояния.

В целом же представители верхней страты зачастую могут себе позволить вообще не беспокоиться о поддержании материального положения либо выбирать комфортные по сравнению с другими стратегии адаптации (дополнительные доходы с активов или от увеличения нагрузок на основной работе). В нижней страте, наоборот, индивиды массово вынуждены либо бездействовать из-за структурных и институциональных ограничений их активности, либо выбирать низкоэффективные стратегии (наращивание долговой нагрузки, выращивание продуктов питания и т.п.). Представители средней страты по избираемым адаптационным стратегиям при этом ближе к нижней, а не верхней страте, что подтверждает вывод о фактическом разделении массовых слоев в России на две принципиально разные группы (Тихонова, 2018). Качественные различия в характере и эффективности выбираемых представителями разных страт стратегий приводят к тому, что неравномерность распределения жизненных шансов и рисков в российском обществе только увеличивается. Отсутствие же действенных социальных и экономических институтов, которые бы могли сократить риски депривации для чувствительных к ним групп населения, способствует дальнейшему росту социальных неравенств и напряженности.

Таким образом, место в стратификационной иерархии имеет важное значение для формирования адаптационных практик населения. Высокая позиция в этой иерархии способствуют накоплению активов, необходимых для адаптации, и доступности более комфортных для индивидов форм дополнительной трудовой активности. В то же время высокая концентрация различных рисков и деприваций приводит к тому, что у индивидов не хватает объективных возможностей на поддержание собственного материального благополучия даже при готовности к активизации своих усилий. Противоречивые же жизненные ситуации подталкивают человека к перемещению в другую институциональную среду, ассоциирующуюся для россиян с переездом на новое место жительства.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова, Е. М. (2018). *Российское население в постсоветский период: опыт кризисов и социальные ресурсы развития*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 208 с.
- Авраамова, Е. М., & Логинов, Д. М. (2002). Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (3), 13–17.
- Аникин, В. А. (2018). Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (4), 39–67.
- Бурдые, П. (2002). Формы капитала // *Экономическая социология*, 3(5), 60–74.
- Каравай, А. В. (2016). Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (3), 1–15.
- Козырева, П. М. (2013). *Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России*. М.: Новый хронограф, 238 с.
- Лежнина, Ю. П. (2019). Риски и возможности россиян как база социальной динамики: территориальный аспект // *The Journal of Social Policy Studies*, 17(2), 207–222.

- Мареева, С. В. (2018). Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (6), 365–385.
- Ромм, М. В. (2002). *Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект*. Новосибирск.
- Тихонова, Н. Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*, 6(6), 53–65.
- Тихонова, Н. Е., & Каравай, А. В. (2017). Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // *Мир России. Социология. Этнология*, 26(3), 6–35.
- Allen, K. R., & Henderson, A. C. (2016). *Family theories: Foundations and applications*. John Wiley & Sons.
- Anikin, V. et al. (2017). *Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia*. NRU HSE. Series WP BRP “Sociology”, №80/SOC/2017.
- Beck, U. (2009). *World at risk*. Cambridge/UK and Malden/MA: Polity Press.
- Becker, G. S. (1981). *A Treatise on the Family*. Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press.
- Bengtson, V. L., & Allen, K. R. (1993). The life course perspective applied to families over time, pp. 469–498 / In: P. Boss, W. Doherty, R. LaRossa, W. Schumm and S. Tenmetz (eds.) *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach*. NY: Springer.
- Berk, R. A. (1980). The New Home Economics: An agenda for sociological research, pp. 113–148 / In: S. F. Berk (ed.) *Women and Household Labor*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Breen, R. (2005). Foundations of a neo-Weberian class analysis, pp. 31–50 / In: E. O. Wright (ed.) *Approaches to class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brighouse, H., & Robeyns, I. (Eds.) (2010). *Measuring justice: Primary goods and capabilities*. Cambridge University Press.
- Coleman, J. S. (1986). Social theory, social research, and a theory of action // *American Journal of Sociology*, 91(6), 1309–1335.
- Elder, G. H. Jr., & Caspi, A. (1990). Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations, pp. 201–247 / In: A. I. Rabin, R. A. Zucher and S. Frank (eds.) *Studying Persons and Lives*. New York: Springer Publishing Co.
- Giddens, A. (1973). *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson.
- Goldthorpe, J. H., Llewellyn, C., & Payne, C. (1987). *Social mobility and class structure in modern Britain*. Oxford: Clarendon Press.
- Hareven, T. K. (1991). The history of the family and the complexity of social change // *The American Historical Review*, 96(1), 95–124.
- Moen, P., & Wethington, E. (1992). The Concept of Family Adaptive Strategies // *Annual Review of Sociology*, 18(1), 233–251.
- Narotzky, S., & Besnier, N. (2014). Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An Introduction to Supplement 9 // *Current Anthropology*, 55(S9), S4–S16.
- Popova, D., & Pishniak, A. (2017). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the gender and generation survey for Russia // *Social indicators research*, 130(3), 883–910.
- Saraceno, C. (1989). The concept of family strategy and its application to the family-work complex: some theoretical and methodological problems // *Marriage & Family Review*, 14(1-2), 2–18.
- Scott, J. (2002). Social class and stratification in late modernity // *Acta Sociologica*, 45(1), 23–35.

- Sen, A. (1992). *Inequality reexamined*. New York, NY: Russell Sage Foundation.
- Weber, M. (1978) [1924]. *Economy and society* / G. Roth and C. Wittich (eds.) Berkeley: University of California Press.

REFERENCES

- Allen, K. R., & Henderson, A. C. (2016). *Family theories: Foundations and applications*. John Wiley & Sons.
- Anikin, V. A. (2018). Social stratification based on life chances: operationalization for mass surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 39–67. (In Russian.)
- Anikin, V. et al. (2017). *Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia*. NRU HSE. Series WP BRP “Sociology”, №80/SOC/2017.
- Avraamova, E. M. (2018). *Russian population in the post-Soviet period: experience of crises and social resources of development*. Moscow: Delo RANEPА Publ. (In Russian.)
- Avraamova, E. M., & Loginov, D. M. (2002). Adaptation resources of the population: an attempt to quantify. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 13–17. (In Russian.)
- Beck, U. (2009). *World at risk*. Cambridge/UK and Malden/MA: Polity Press.
- Becker, G. S. (1981). *A Treatise on the Family*. Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press.
- Bengtson, V. L., & Allen, K. R. (1993). The life course perspective applied to families over time, pp. 469–498 / In: P. Boss, W. Doherty, R. LaRossa, W. Schumm and S. Tenmetz (eds.) *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach*. NY: Springer.
- Berk, R. A. (1980). The New Home Economics: An agenda for sociological research, pp. 113–148 / In: S. F. Berk (ed.) *Women and Household Labor*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Journal of Economic Sociology*, 3(5), 60–74. (In Russian.)
- Breen, R. (2005). Foundations of a neo-Weberian class analysis, pp. 31–50 / In: E. O. Wright (ed.) *Approaches to class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brighouse, H., & Robeyns, I. (Eds.) (2010). *Measuring justice: Primary goods and capabilities*. Cambridge University Press.
- Coleman, J. S. (1986). Social theory, social research, and a theory of action. *American Journal of Sociology*, 91(6), 1309–1335.
- Elder, G. H. Jr., & Caspi, A. (1990). Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations, pp. 201–247 / In: A. I. Rabin, R. A. Zucher and S. Frank (eds.) *Studying Persons and Lives*. New York: Springer Publishing Co.
- Giddens, A. (1973). *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson.
- Goldthorpe, J. H., Llewellyn, C., & Payne, C. (1987). *Social mobility and class structure in modern Britain*. Oxford: Clarendon Press.
- Hareven, T. K. (1991). The history of the family and the complexity of social change. *The American Historical Review*, 96(1), 95–124.
- Karavay, A. V. (2016). Russian workers: social capital and capital accumulation settings. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 1–15. (In Russian.)
- Kozyreva, P. M. (2013). *Resources and practices of socio-economic adaptation of the Russian population*. Moscow: New Chronograph Publ. (In Russian.)
- Lezhnina, Y. P. (2019). Risks and opportunities of Russians as a base of social dynamics: territorial aspect. *The Journal of Social Policy Studies*, 17(2), 207–222. (In Russian.)

- Mareeva, S. V. (2018). Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), 365–385. (In Russian.)
- Moen, P., & Wethington, E. (1992). The Concept of Family Adaptive Strategies. *Annual Review of Sociology*, 18(1), 233–251.
- Narotzky, S., & Besnier, N. (2014). Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An Introduction to Supplement 9. *Current Anthropology*, 55(S9), S4–S16.
- Popova, D., & Pishniak, A. (2017). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the gender and generation survey for Russia. *Social indicators research*, 130(3), 883–910.
- Romm, M. V. (2002). *Adaptation of the individual in society: Theoretical and methodological aspects*. Novosibirsk: Nauka Publ., 275 p. (In Russian.)
- Saraceno, C. (1989). The concept of family strategy and its application to the family-work complex: some theoretical and methodological problems. *Marriage & Family Review*, 14(1-2), 2–18.
- Scott, J. (2002). Social class and stratification in late modernity. *Acta Sociologica*, 45(1), 23–35.
- Sen, A. (1992). *Inequality reexamined*. New York, NY: Russell Sage Foundation.
- Tikhonova, N. E. (2018). Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (6), 53–65. (In Russian.)
- Tikhonova, N. E., & Karavay, A. V. (2017). The Human Capital of Russian Workers: The Overall State and Its Specifics. *Universe of Russia*, 26(3), 6–35. (In Russian.)
- Weber, M. (1978) [1924]. *Economy and society* / G. Roth and C. Wittich (eds.) Berkeley: University of California Press.